

Пока ты не нажал «Отправить»

и
Анна Инежина

Анна Инежина

Пока ты не нажал «Отправить»

«Автор»

2026

Инежина А.

Пока ты не нажал «Отправить» / А. Инежина — «Автор», 2026

Что, если сообщение знает ваше завтра? Лера привыкла отвечать на автомате — пока однажды не получает послание без отправителя. Оно предсказывает будущее, и прогнозы начинают сбываться. Теперь каждое уведомление — угроза: оно предупреждает о событии или помогает ему случиться? Пытаясь разобраться, Лера учится отделять факты от тревоги, проверять прогнозы и замечать, как ожидание меняет ее решения. Забота не дает права управлять чужой судьбой, а признание не гарантирует прощения. Но есть слова, которые она сама боится отправить. «Пока ты не нажал Отправить» — роман о цифровом шуме, ответственности и выборе без гарантий. Для тех, кто устал жить на автопилоте и боится ошибиться. Будущее нельзя контролировать сообщением — зато можно выбрать свой следующий шаг. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Инежина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Сообщение без отправителя	6
Завтра в 09:17	10
Первое сбывшееся предсказание	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анна Инежина

Пока ты не нажал «Отправить»

Пока ты не нажал «Отправить»

Анна Инежина

Сообщение без отправителя

Лера нажала «Отправить», не перечитав письмо. Потом ответила коллеге в рабочем чате, поставила реакцию на сообщение в общем канале и написала курьеру: «Да, буду дома». На последнее она ответила машинально, хотя домой еще не ехала.

Телефон лежал рядом с клавиатурой экраном вверх. Каждые несколько минут он вздрагивал, и Лера вздрагивала вместе с ним. Уведомления набегали друг на друга, как люди к закрывающимся дверям лифта. В одном чате обсуждали сроки, в другом прислали фотографию чужого обеда, мама спрашивала, купила ли Лера корм для кота, которого у нее не было. Это было сообщение из семейного чата, адресованное брату, но Лера все равно успела открыть его, прежде чем заметила ошибку.

Весь день она отвечала на вопросы, уточняла, перепроверяла, обещала. К концу дня слова «сейчас посмотрю» уже звучали в ее голове даже тогда, когда никто ничего не спрашивал.

— Ты едешь? — спросила Катя, заглянув в переговорную.

Лера только что закрыла ноутбук, но пальцы все еще лежали на клавиатуре.

— Да. Одну секунду.

Она подняла телефон, увидела новое уведомление и открыла его. Это оказалось рекламной доставкой.

— Вот видишь, — сказала Катя. — Даже реклама дождалась твоего внимания.

— Я боюсь пропустить что-нибудь важное.

— Ты сегодня уже пропустила обед.

Лера хотела ответить, что это другое, но не нашла аргумента. Она выключила компьютер, сунула зарядку в сумку и вышла из офиса, продолжая на ходу проверять экран. В стеклянных дверях отражалось ее лицо: усталое, чуть напряженное, будто она все еще ждала, что кто-то окликнет ее с новым заданием.

В лифте телефон коротко завибрировал.

Сообщение пришло с незнакомого номера. Без имени, без фотографии, без предыдущей переписки. Только одна строка:

«Не отвечай маме сегодня в 21:40».

Лера прочитала ее еще раз.

Лифт опускался медленно. На третьем этаже кто-то вошел с пакетом апельсинов, на втором звякнуло уведомление у мужчины в синем пальто. Обычный вечер, обычный лифт, обычный свет, от которого кожа казалась серой. А в руке у нее был телефон с фразой, которая звучала так, будто кто-то знал не только ее номер, но и привычки.

Время на экране было 19:12.

Она нажала на номер. Контакт не открылся. Просто цифры, которые ничего ей не говорили. Лера проверила, не прислал ли отправитель что-то еще. Нет. Ни приветствия, ни объяснения, ни подписи.

Первым делом захотелось написать: «Кто это?» Вторым — позвонить маме и спросить, собирается ли та звонить в 21:40. Третьим — переслать сообщение Кате, чтобы та сказала, что это глупая шутка. Каждый вариант обещал одно и то же: еще до того, как Лера доберется домой, неизвестность можно будет чем-нибудь заполнить.

Пальцы уже набрали «Кто вы?». Она посмотрела на слова, не нажимая «Отправить», и стерла их.

На улице пахло мокрым асфальтом. Небо затянуло облаками, и в витринах зажигались теплые квадраты света. Лера остановилась у выхода из метро, чтобы не задеть плечом спешащего мужчину, и открыла переписку с мамой. Последнее сообщение было от утра: «У меня сегодня смена до восьми. Позвоню, если не усну раньше». Никакого упоминания 21:40.

Мама часто звонила по вечерам, обычно после девяти. Иногда рассказывала про покупателей в аптеке, иногда спрашивала, поела ли Лера. Длительность разговора зависела от того, кто из них первым вспомнит, что на плите что-то кипит. Но точное время менялось. Вчера мама позвонила в 21:18. Позавчера написала голосовое в половине десятого.

Лера знала это. И все равно сообщение уже успело превратиться в сцену: часы показывают 21:40, мама звонит, Лера берет трубку, дальше случается что-то плохое. Что именно — воображение не уточняло. Оно просто подсвечивало темные участки и предлагало срочно туда не смотреть.

Она поймала себя на желании снова открыть переписку, чтобы проверить, не исчезло ли сообщение. Потом на желании проверить номер через поиск. Потом на желании сделать скриншот и отослать маме, хотя это могло бы только напугать ее. Тревога не требовала разумного плана. Ей было достаточно движения.

Дома Лера сбросила обувь у двери, включила свет на кухне и поставила чайник. Телефон лег рядом с ключами. Едва он завибрировал, она потянулась к нему, не успев понять, что чувствует. Это написал руководитель: «Завтра с утра глянь таблицу, пожалуйста». Лера открыла сообщение и уже собралась ответить: «Конечно», но остановилась. Завтра с утра у нее было три встречи, и таблица могла подождать хотя бы до утра.

Она отложила телефон. Через секунду снова взяла.

«Хорошо», — написала она руководителю и отправила.

На кухне стало тихо. Чайник щелкнул и отключился. Лера стояла у столешницы, держа в руке кружку, и вдруг отчетливо поняла, что весь день выполняла один и тот же жест: замечала чужое ожидание и торопилась его снять. Ответить, подтвердить, успокоить, дать понять, что она на месте. Даже если сама уже не была на месте — ни вниманием, ни силами.

Непрочитанные сообщения раздражали ее не потому, что требовали ответа. Они оставляли вопрос открытым. А открытые вопросы в голове Леры разрастались, пока не начинали звучать как упрек. Если не ответить сразу, человек решит, что она безответственная. Если не уточнить, она пропустит важное. Если не исправить непонятную ситуацию, та испортится без ее участия.

Ей было проще нажать «Отправить», чем посидеть несколько минут рядом с тем, на что она пока не знала ответа.

Лера открыла заметки и создала новый файл. Несколько секунд смотрела на пустую страницу, потом набрала два заголовка:

«Что я знаю»

«Что я додумываю»

Под первым заголовком она написала:

«Сейчас 19:26».

«Сообщение пришло с незнакомого номера».

«В сообщении написано: “Не отвечай маме сегодня в 21:40”».

Она помедлила и добавила: «Мама часто звонит вечером, но точное время меняется».

Под вторым заголовком появились строки:

«Автор знает, когда мама звонит».

«Мама точно позвонит именно в 21:40».

«Если я отвечу, произойдет что-то плохое».

«Если не выполню указание, я буду виновата».

Лера перечитала последнюю фразу. Она не знала, что именно должно произойти и кто именно может обвинить ее. Но чувство вины уже успело найти место, хотя фактов для него не было.

Она дописала внизу: «Чувства: тревога, семь из десяти. Раздражение, пять. Любопытство, тоже есть».

От этих строк не стало спокойно. Зато мысли перестали быть одним большим темным комом. Одни можно было увидеть на экране как факты. Другие стояли рядом, не притворяясь доказательствами.

Лера сделала снимок экрана с сообщением и сохранила его в заметке. Не пересылала, не отвечала, не удаляла. Просто оставила запись, чтобы не пришлось снова и снова открывать переписку и убеждаться, что слова на месте.

Потом налила чай, съела два кусочка хлеба и поставила тарелку в раковину. Телефон она перенесла на стол и положила экраном вниз.

До 21:40 оставалось больше двух часов.

Поначалу Лере казалось, что ожидание будет незаметным, если занять себя делом. Она разобрала сумку, ответила на несколько сообщений, загрузила стирку. Каждые десять минут рука тянулась к телефону. Иногда она останавливалась у стола, словно собиралась что-то проверить, но не помнила что. Тогда она говорила себе: экран лежит вниз, время я знаю, сообщение сохранено. Остальное пока неизвестно.

В 20:15 мама написала: «Завтра ты занята после работы?»

Лера увидела уведомление краем глаза, когда проходила через кухню. Вопрос был обычным. Ответить на него можно было сразу. Она взяла телефон, открыла чат и напечатала: «Пока не знаю, а что?»

Прежде чем отправить, остановилась.

Она заметила, как напряглась челюсть, как под пальцами нагрелся корпус. Ей хотелось написать еще что-нибудь, чтобы заранее закрыть разговор: «Но если нужно, я постараюсь», «Скажи, что случилось», «Я на связи». Она не знала, просила ли мама о помощи. Знала только, что мама задала вопрос.

Лера отправила короткое: «Пока не знаю, а что?» Это было не мгновенное подчинение и не демонстративное молчание. Просто ответ на сообщение, которое она прочитала и поняла. Она снова положила телефон экраном вниз.

Мама ответила через несколько минут: «Хотела предложить сходить в магазин за лампочками. Ничего срочного». Лера улыбнулась. В семье умели превратить покупку лампочки в план на полдня, но сейчас ей понравилось, что вопрос оказался всего лишь вопросом.

В восемь тридцать начался дождь. Капли постукивали по подоконнику, и Лера устроилась на диване с книгой, которую открывала уже третью неделю. Прочитала две страницы и не поняла ни слова. На столе телефон молчал. Тишина не означала, что ничего не происходит. Она означала только, что в эту минуту ничего не происходило на экране.

Эту мысль Лера поймала как чужую и осторожно оставила рядом.

В 21:32 она посмотрела на часы на микроволновке. До указанного времени оставалось восемь минут. Тело уже знало, что сейчас будет: плечи поднялись, дыхание стало поверхностным. Лера положила книгу на колени. Телефон лежал на столе экраном вниз, не светился и не звонил.

Она могла бы позвонить маме сама. Могла выключить звук. Могла убрать телефон в ящик. Каждый вариант казался способом заранее обезвредить будущую минуту. Но Лера не хотела отдавать незнакомому сообщению весь вечер и свои решения. И не хотела делать вид, что его не существует.

Она просто осталась в комнате.

В 21:39 дождь стих. Где-то за стеной хлопнула дверь. На телефоне по-прежнему не было ни звука.

В 21:40 экран вспыхнул.

Лера увидела свет, лежа на диване. Телефон завибрировал, заскользил по столу на несколько миллиметров. Она встала. На экране, который теперь был обращен вверх, появилось: «Мама».

Первой мыслью было: вот. Второй: не отвечай. Третьей не было. Рука зависла над телефоном.

Секунды тянулись, но не остановились. Лера увидела точное время — 21:40 — и ощутила, как тревога пытается превратить совпадение в приказ. Она не знала, почему мама звонит именно сейчас. Не знала, кто отправил сообщение и откуда взялся этот момент. Знала только, что телефон звонит, на экране имя мамы и ей хочется ответить.

Она вдохнула. Дождалась еще одной вибрации. И нажала на зеленую кнопку.

— Привет, — сказала мама. — Не спишь?

— Нет. Читаю.

— Тогда хорошо. Я быстро. Хотела спросить, ты не видела в магазине лампочки с теплым светом? Те, что я купила, делают кухню похожей на больницу.

Лера невольно рассмеялась. В трубке раздался мамин смех, усталый и домашний.

— Посмотрю завтра, — ответила Лера. — Сегодня я уже никуда не пойду.

— Конечно. Я просто подумала, вдруг ты еще не легла.

Они поговорили о лампочках, о дождливом вечере и о том, что завтра у мамы ранняя смена. Разговор был самым обычным. Ничего плохого не случилось. Но и сообщение не перестало быть странным. Лера не пыталась заставить себя считать его шуткой или предупреждением. Она не знала.

Когда звонок закончился, на экране высветилось: 21:46. Лера открыла заметку и добавила еще одну строку в колонку «Что я знаю»: «Мама позвонила в 21:40. Я ответила. Мы поговорили». Она не написала: «Значит, сообщение предсказало звонок». Это было похоже на вывод, но не на факт. Факт умещался в нескольких простых словах.

Лера положила телефон экраном вниз. На этот раз ей не нужно было прятать его от собственного любопытства. Она могла взять его через минуту. Могла проверить номер. Могла написать кому-нибудь. Но не обязана была делать это немедленно.

Перед сном она еще раз посмотрела на заметку: две колонки, две разные территории. В одной были вещи, которые можно было показать пальцем. В другой — мысли, звучавшие убедительно, потому что Лера боялась не знать ответа.

Неизвестность никуда не исчезла. Зато впервые за вечер она не принимала ее за команду.

Телефон оставался рядом, экраном вниз. Лера знала, что сообщение сохранено. Знала, что мама позвонила. Знала, что ответила не автоматически, а после паузы, в которой успела услышать собственное желание. Все остальное пока оставалось неизвестным.

И на сегодня этого было достаточно.

Завтра в 09:17

Телефон завибрировал под ладонью ровно в тот момент, когда Лера решила еще пять минут не вставать.

Она нащупала его, не открывая глаз. Экран осветил комнату бледным прямоугольником.

Сообщение пришло с того же неизвестного номера.

«Завтра в 09:17 ты услышишь фразу, которая изменит твой план».

Лера села на кровати.

За окном дворник сгребал мокрые листья в невысокую рыжую кучу. Где-то наверху стучала труба. На тумбочке стояла чашка с водой, которую она забыла допить вечером. Все вокруг выглядело настолько обыкновенным, что сообщение в телефоне казалось не предупреждением, а неудачной рекламой.

Она перечитала его.

Завтра. Девять семнадцать. Фраза. Изменит план.

Вчера она уже решила, что неизвестность не обязана превращаться в срочное дело. Но сейчас неизвестность обзавелась будильником. Точным, назойливым и почему-то очень уверенным в себе.

Лера хотела тут же открыть переписку, проверить номер, написать: «Кто вы?» Большой палец уже лег на поле для ответа. Она убрала его.

Десять минут. Не принимать решений в течение десяти минут после нового сообщения.

Правило еще не существовало, но Лера придумала его, пока смотрела на экран. Не потому, что считала десять минут волшебным числом. Просто ей нужна была короткая граница между чужими словами и собственным действием. Не запрет отвечать. Не обещание игнорировать. Пауза, в которой решение успеет стать ее решением.

Она поставила таймер и положила телефон на одеяло.

Пока отсчитывались минуты, Лера пошла умываться. Вода была холодной. Зубная паста оказалась почти законченной, и пришлось выдавить из тюбика еще одну крошечную полоску. Обычное утро продолжало происходить, не советуясь с неизвестным отправителем.

Когда таймер зазвонил, Лера снова взяла телефон. Написать хотелось все еще. Но теперь это было желание, а не команда.

Она не написала.

В ванной она повторила себе, что это может быть розыгрыш, ошибка, чья-то странная шутка. Потом поправила себя: может быть. Ни одна из этих версий пока не была фактом. Фактом было только сообщение, точное время и то, что до него оставалось больше суток.

На кухне она сварила кофе и открыла календарь. Завтра в 09:15 стояла короткая рабочая встреча с Максом и Ирой. Обсуждение запуска новой страницы. В 10:00 — правки. В 11:30 — созвон с отделом продаж.

Вот и готовая сцена для воображения: кто-то говорит нужную фразу, проект меняется, Лера переносит половину дня. Или отменяет встречу. Или принимает решение, которое потом будет объяснять словами: «Так получилось».

Она усмехнулась. Человеческий мозг, похоже, мог за пять секунд построить целый офис вокруг одного неизвестного предложения.

На столе лежал ежедневник. Вечером накануне Лера записала план на ближайшие дни, чтобы утром не начинать работу с суеты. Она открыла нужную страницу и провела вертикальную черту посередине.

Слева написала: «План до сообщения».

Завтра: прийти в офис к 08:45. В 09:15 обсудить страницу с Максом и Ирой. Согласовать уже подготовленный вариант, если не появится конкретных замечаний. После встречи спокойно внести правки. Отправить обновленный текст до полудня.

Она остановилась на словах «если не появится конкретных замечаний». План уже предусматривал изменения. Не все изменения были предсказаниями. Иногда у людей действительно возникали замечания, а сроки действительно сдвигались. Неизвестное сообщение не отменяло ни реальность работы, ни право коллег высказать мысль.

Справа Лера записала отдельной строкой: «Прогноз: завтра в 09:17 услышу фразу, которая изменит мой план».

Ниже добавила: «Это прогноз, не поручение».

Еще ниже: «Не менять важные решения только потому, что жду эту фразу».

Она посмотрела на страницу. Две части выглядели почти одинаково — буквы, чернила, ее почерк. Но между ними была разница. В одной находились намерения, сложившиеся до сообщения. В другой — обещание неизвестного будущего, которое пока нельзя было проверить.

Внизу страницы Лера поставила правило: «После любого нового сообщения — десять минут без решений».

Получилось немного похоже на инструкцию по эксплуатации собственной головы. Что ж, подумала Лера, у любой сложной техники должна быть кнопка паузы.

Утро продолжилось. Она оделась, взяла сумку и вышла из дома. В лифте соседка с пятого этажа рассказывала, что в подъезде опять не работает свет. Лера поймала себя на том, что ждет продолжения: «Надо всё пересмотреть», «Планы изменились», «Завтра будет иначе». Соседка сказала, что вызвала электрика.

Лера кивнула и поехала вниз.

В автобусе она дважды посмотрела на время. Первый раз — чтобы убедиться, что не опоздает. Второй — будто цифры могли сообщить ей, насколько близко завтрашнее 09:17. Часы показывали 08:12. До встречи с Максом и Ирой оставалось почти двадцать пять часов.

Телефон лежал в сумке. Лера не доставала его, но знала, где он. Это знание сопровождало ее как маленькая служебная собака: не лаяло, но не отходило.

В офисе пахло кофе, нагретыми ноутбуками и мокрой одеждой. Ира сидела за соседним столом, склонившись над распечатками. Макс рассказывал кому-то у окна, что утром застрял в пробке.

— Ты сегодня какая-то настороженная, — сказала Ира, когда Лера повесила пальто.

— Я просто не выспалась.

— Понимаю. Я вчера легла поздно и теперь ненавижу всех, кто бодро здоровается.

— Тогда я буду здороваться осторожно.

Ира улыбнулась и вернулась к распечаткам.

Лера включила компьютер. На экране открылся рабочий документ, который она собиралась закончить до обеда. Первые полчаса она действительно работала. Потом Макс подошел к ее столу и спросил:

— Ты отправила клиенту обновленную схему?

— Нет, она у меня в плане на завтра.

— Хорошо. Тогда не торопись.

Он сказал это буднично, уже отворачиваясь. Лера услышала в его фразе не просьбу о спокойствии, а нечто похожее на отсрочку. «Не торопись». Может быть, завтра торопиться придется. Может быть, он что-то знает. Может быть, он просто хотел, чтобы она не отправляла сырую схему.

Макс ушел к принтеру. Лера посмотрела ему вслед, а потом на экран. В документе не было ничего, что требовало расследования.

Она открыла ежедневник. «План до сообщения» оставался на месте. Напротив текущего времени Лера отметила: «Начала искать подтверждения».

Честная запись оказалась полезнее, чем попытка немедленно взять себя в руки. Она не перестала ждать. Она просто заметила, что делает.

В половине одиннадцатого пришло сообщение от руководителя отдела: «Давайте завтра еще раз обсудим формат». Лера почувствовала, как плечи сами собой поднялись к ушам.

Вот. «Еще раз обсудим». Не «оставим как есть». Не «все готово». Обсудим. Завтра. Формат.

Она открыла календарь, посмотрела на завтрашнюю встречу, затем на сообщение. Пальцы легли на клавиатуру. Можно было спросить, что именно изменилось. Можно было предупредить Макса. Можно было перенести работу на сегодня, чтобы не оставлять себе шансов на неприятный сюрприз.

Но это было бы решением под влиянием сообщения, не обязательно нужным, не обязательно ошибочным. Просто таким, которое требовало проверки.

Лера поставила таймер на десять минут.

Пока он отсчитывался, она перечитала письмо целиком. Руководитель просила обсудить формат, потому что к встрече должен был присоединиться сотрудник из продаж. Это было написано в следующем предложении. Лера заметила его только со второго раза.

Когда таймер прозвенел, стало ясно, что срочно отвечать не нужно. Она написала: «Хорошо, подготовлю текущий вариант и вопросы». Никаких предположений о фразе. Никакого предупреждения, что завтра может измениться план. Только рабочий ответ на рабочее сообщение.

В обед Лера вышла с Ирой в кафе за углом. Там громко гудел холодильник, а за соседним столом двое спорили о ремонте.

— Ты вчера говорила, что хочешь на выходных съездить к морю, — напомнила Ира, размешивая сахар. — Ты решила?

— Пока нет.

— Почему?

Лера чуть не ответила: «Завтра услышу фразу». Вместо этого посмотрела в чашку.

— Мне нравится сама идея, но я еще не проверила расписание.

— Это не то же самое, что не хотеть.

Ира сказала это просто, без тайного смысла. Но Лера все равно на секунду насторожилась. Не то же самое, что не хотеть. Могла ли эта фраза изменить ее план? Она смотрела на подругу, и мысли уже пытались вписать обычный разговор в будущую загадку.

— Ты чего? — спросила Ира.

— Пытаюсь не делать каждую фразу уликой.

— Звучит утомительно.

— Уже да.

Лера рассказала про сообщение. Не всё — только точную формулировку и время. Ира сначала рассмеялась, затем попросила показать номер. Лера открыла переписку.

— Может, это какой-то рекламный бот, — сказала Ира. — Только очень драматичный.

— Может.

— Или знакомый решил устроить спектакль.

— Тоже может.

— Ты проверишь номер?

Лера подумала. Ей хотелось. Она могла сделать это после работы, могла поискать в интернете, могла написать с другого телефона. Но пока поиск принес бы ей в основном новые версии.

— Позже, если захочу, — сказала она. — Не сейчас.

Ира пожала плечами. Разговор перешел к меню, потом к отпуску, потом к тому, что кофе в этом кафе стал хуже. Ничего не изменилось, кроме внимания Леры: оно снова и снова возвращалось к столбцу справа в ежедневнике.

После обеда Макс прислал файл с заголовком «На завтра». Лера увидела уведомление и почти сразу открыла его. Десятиминутное правило не означало, что она обязана откладывать любое действие. Она могла прочитать сообщение. Не обязана была на его основании принимать решение.

В файле были замечания по тексту. Ни одного загадочного предложения. Лера сохранила документ и вернулась к работе.

Ближе к четырем Макс подошел к ее столу.

— Слушай, если завтра встреча затянется, я тогда сдвину свою вторую задачу.

Лера подняла глаза.

— Почему она должна затянуться?

— Потому что Ира любит задавать вопросы, когда все уже хотят уйти.

— Я не люблю задавать вопросы, когда все хотят уйти, — отозвалась Ира, не отрываясь от монитора. — Я люблю задавать вопросы до того, как мы принимаем плохое решение.

— Это то же самое, только в красивой формулировке.

Лера улыбнулась, но почувствовала раздражение. Слово «сдвину» зацепилось за нее. План уже начинал меняться. Только не тот, о котором говорил неизвестный отправитель, а обычные планы двух коллег, которым предстояло провести встречу.

Она заметила, как хочет попросить Макса ничего не менять до 09:17. Это было бы нелепо и несправедливо. Его расписание принадлежало ему. Сообщение не делало Леру распорядителем чужого времени.

— Если встреча затянется, решим по факту, — сказала она.

Слова прозвучали спокойнее, чем она себя чувствовала. Макс кивнул и ушел.

Вечером Лера еще раз открыла ежедневник. Слева стоял исходный план: прийти, обсудить, согласовать, внести правки, отправить. Справа — прогноз и предупреждение не превращать его в приказ. Она отметила рядом с сегодняшним днем, что дважды проверяла часы и один раз неверно истолковала фразу Макса.

Не для отчета. Чтобы завтра не перепутать воспоминание с наблюдением. Ожидание было способно менять не только решения, но и память о том, как именно все началось. Если заранее ждать определенной фразы, потом любая похожая могла показаться той самой.

Перед сном Лера решила не искать номер. Не потому, что поиск был запрещен, а потому, что сейчас она искала бы не информацию, а облегчение. А облегчение от поисковой строки обычно было недолгим и требовало новых поисковых строк.

Телефон она положила на тумбочку экраном вниз.

Ночь прошла без новых сообщений.

На следующий день Лера проснулась за минуту до будильника. Первым делом посмотрела на часы. Было 06:38. До 09:17 оставалось два часа и тридцать девять минут.

Она снова открыла ежедневник. Исходный план выглядел знакомо и разумно. Лера не перечеркивала его, не добавляла красных стрелок и не переставляла задачи. Она оделась, позавтракала, взяла сумку. В автобусе слушала музыку, пока не заметила, что вместо песни считает минуты до встречи.

В офис она пришла в 08:43. Поставила ноутбук на стол, налила кофе и открыла рабочий документ. В 08:52 посмотрела на часы. Потом в 09:02. Потом в 09:08.

— У тебя там что, гонка? — спросил Макс, проходя мимо.

— Что?

— Ты на часы смотришь так, будто они тебе должны.

— Возможно, должны, — сказала Лера.

Макс засмеялся, не подозревая, насколько точно попал в ее настроение.

В 09:12 они собрались в маленькой переговорной. На столе лежали распечатки, рядом с ноутбуком Леры стоял телефон. Она положила его экраном вверх, чтобы не пропустить рабочий звонок, и сразу пожалела: теперь в поле зрения находились и цифры на экране, и циферблат часов на стене.

Ира говорила о первом блоке страницы. Макс уточнял сроки. Лера записывала замечания, хотя каждое второе слово хотелось проверить на скрытую дверь в будущее.

— Здесь, наверное, лучше начать с примера, — сказала Ира.

Лера записала: «пример».

— А дальше можно сократить абзац.

Записала: «сократить».

— Если мы поменяем порядок, клиент быстрее поймет, куда нажимать.

Слово «поменяем» прозвучало громче остальных. Лера почувствовала, как ручка оставилась над бумагой.

— Лер? — позвал Макс.

— Да. Согласна.

Она не была уверена, что услышала вопрос целиком. Заставила себя отвести взгляд от часов и посмотреть на Макса. Он говорил о структуре страницы, а не о ее дне. Ира наклонилась над распечаткой и показала пальцем на схему.

Лера слушала. По крайней мере, старалась. Внутри каждое мгновение натягивалось, как тонкая струна. Девять четырнадцать. Девять пятнадцать. Телефон молчал. Никто не произносил ничего особенного. Разговор продолжался вокруг макета, примеров и сроков.

В 09:16 Макс перелистнул страницу и сказал:

— Хорошо. Тогда следующий шаг такой: сначала проверим...

Лера почувствовала, как привычное желание уже тянется вперед — угадывать, додумывать, подставлять вместо незаконченной фразы свой ответ. Телефон лежал рядом. До 09:17 оставалась минута.

Она опустила ручку на бумагу, подняла глаза на Макса и попыталась услышать именно то, что он скажет, а не то, чего боялась дожидаться.

Первое сбывшееся предсказание

В 09:16 Макс перелистнул страницу, и Лера невольно посмотрела на экран телефона.

Минутная стрелка на часах над дверью дрогнула. Телефон лежал экраном вверх, беззвучный, с открытой заметкой на полях повестки. В ней, сделанной утром, стояли две строки:

«В 09:17 Макс скажет: “Похоже, придется поменять план”».

«Уверенность до встречи: 2 из 5».

Лера не хотела смотреть на них. Она перевела взгляд на распечатку, на схему страницы, на руку Макса, державшую следующий лист. Но слова уже поселились у нее под кожей. Она помнила и точное время, и кавычки. Помнила, как в 08:51 переписала сообщение неизвестного отправителя, решив хотя бы не позволить памяти потом переделать его под случившееся.

— Хорошо, — сказал Макс. — Тогда следующий шаг такой: сначала проверим, что уже согласовал клиент, а потом...

Он замолчал. Планшет коротко звякнул. Макс глянул на экран и чуть нахмурился.

На часах сменились цифры.

09:17.

— Похоже, придется поменять план.

В комнате не стало тише. Ира шуршала листами. Кто-то передвинул стул. За стеклом переговорной пронеслась женщина с бумажным стаканчиком. Мир продолжил двигаться с той же деловой невозмутимостью, словно ничего не произошло.

А у Леры холод разошелся от ладоней к запястьям.

Она смотрела на Макса и не могла заставить себя моргнуть. Та же фраза. Та же минута. Даже интонация, если не точь-в-точь, то достаточно близкая, чтобы сомнение не успело отодвинуть совпадение.

Макс повернул планшет к команде.

— Только что пришли правки от юристов. Просьба убрать формулировки с гарантиями и перестроить блок с обещаниями. Значит, сначала сверим текст, потом заново расставим акценты. Не страшно, но первоначальный порядок уже не подойдет.

Он говорил о работе. О странице, которую Лера разрабатывала две недели. О конкретных фразах, которые клиент слишком смело обещал покупателям. Причина была на экране планшета, в письме от юридического отдела с отметкой времени 09:16.

Лера видела это. И всё равно ей казалось, что на столе между ней и Максом лежит не распечатка, а тонкий слой льда.

— Лер, ты сможешь сегодня пересобрать верхний блок? — спросил Макс.

Она услышала вопрос. Не догадалась, не подставила заранее ответ. Услышала.

— Да. Если Ира пришлет обновленный текст до обеда.

Ира кивнула и записала что-то в блокнот.

Разговор пошел дальше. Обсуждали порядок разделов, срок, кто отправит клиенту новую версию. Лера несколько раз ловила себя на том, что упускает половину слов, и возвращала внимание к голосам. Слова Макса уже прозвучали. Она могла не караулить их повторения.

Но в голове снова и снова вспыхивали цифры: 09:17.

После встречи Макс задержал ее у двери.

— Слушай, я понимаю, что всё немного съехало. Но это обычная правка. До конца дня разберемся.

— Конечно, — ответила Лера.

Она хотела спросить: «Ты часто говоришь эту фразу?» Хотела проверить, не обсуждали ли они подобное в переписке. Хотела сказать про сообщение, чтобы услышать, как оно звучит

вслух. Но слова застряли. Она не знала, чего боится больше: что Макс засмеется или что не засмеется.

— Тогда на связи, — сказал он и ушел к своему столу.

Лера осталась у стеклянной стены, с телефоном в руке. В сообщении не было ничего о юридических правках, ничего о странице, ничего о том, почему Макс это скажет. Только имя — пустое поле вместо имени — и одна строка с точным временем. Она снова открыла переписку, будто отправитель мог добавить объяснение, пока она сидела на совещании.

Ничего нового.

В 10:20 Ира подошла к ее столу с папкой.

— На обед пойдешь? Я хотела с тобой поговорить про предложение из продуктовой команды. Ты же сказала, что сможешь решить, соглашаться или нет.

Лера посмотрела на часы. До обеда было больше часа, а в календаре не стояло ни одного срочного дела. Макс говорил, что изменения не страшные. Но внутри уже нарастало ощущение, что сегодняшнее расписание — лишь первый лист, который кто-то собирается выдернуть из блокнота.

— Давай не сегодня, — сказала она. — Надо привести страницу в порядок.

Ира не стала настаивать. Только посмотрела на нее чуть внимательнее.

— Хорошо. Напиши, когда освободишься.

Вскоре у кофемашины ее поймал Антон из соседней команды.

— Ты можешь глянуть на мое письмо клиенту? — спросил он. — Я не уверен, что не звучит резко. Хотел с тобой посоветоваться до отправки.

Лера уже собиралась сказать «давай», но рука сама сжала телефон в кармане. Она ждала следующего знака. Если сообщение сбылось так точно, возможно, дальше последует что-то еще. Может быть, не стоит отвлекаться, пока день не раскрыл весь свой замысел.

— Пришли мне, посмотрю позже, — сказала она.

Антон кивнул и ушел. Лера вернулась к макету, но работа шла медленно. Каждая пауза в общем чате казалась предвестием. Каждый звук телефона заставлял плечи напрягаться. В 11:07 ей пришло уведомление от службы доставки. В 11:23 — напоминание о встрече на следующей неделе. В 12:02 телефон завибрировал в кармане, и она почти выронила мышь. Это была Ира: «Текст готов, отправила на почту».

Лера прочитала сообщение дважды. Потом положила телефон экраном вниз.

Она обещала себе не решать под влиянием прогноза. Но к обеду уже отменила разговор, которого ждала, и отложила тот, который могла провести за пять минут. Никаких новых предсказаний не поступило, а день всё равно вращался вокруг первого.

В столовой она сидела одна с остывающим супом и ловила себя на том, что прислушивается к чужим разговорам. Кто-нибудь скажет «надо поменять»? Кто-нибудь произнесет «план»? Фраза Макса разрасталась, как тень от дерева к вечеру. Сначала она означала перестановку блоков на странице. Теперь — любое изменение, любую неприятную новость, любой поворот, который можно было бы признать продолжением предсказания.

К трем часам Лера закончила новый порядок секций. Ничего катастрофического не произошло. Клиент не отменил запуск. Макс не сообщил о сокращении команды. Ира прислала текст, юристы уточнили формулировки, а исходный срок отправки черновика пока оставался в силе.

Лера открыла свой утренний план. Он был записан на отдельном листе до совещания: проверить структуру, согласовать последовательность блоков, распределить правки, отправить черновик к 16:00. Сверилась с фактическим ходом дня. Структуру проверили. Последовательность поменяли. Правки распределили. Черновик отправили в 16:18, на восемнадцать минут позже.

Предсказание сбылось. Но не день целиком. Не всё, чего она испугалась после фразы.

В 17:36 Лера осталась в переговорной одна. На столе лежали распечатки с пометками, на стеклянной стене еще виднелись стертые следы маркера. Она открыла заметки и создала новую страницу. Несколько секунд смотрела на пустое поле, не зная, с чего начать. Потом набрала заголовок: «Журнал предсказаний».

Первая запись должна была быть простой. Не умной, не убедительной, не такой, чтобы оправдать ее тревогу. Просто точной.

Она переписала текст сообщения, не меняя кавычек и знаков препинания:

«Сегодня в 09:17 Макс скажет: “Похоже, придется поменять план”».

Следом указала срок: «Сегодня, 09:17».

Потом — что именно будет считаться исполнением. Макс должен произнести эту фразу сам, без подсказки со стороны Леры, именно в указанную минуту. Похожие слова в другое время не засчитываются. Фраза другого человека тоже не засчитывается. Если Макс скажет «давайте пересмотрим порядок» — это будет близкий смысл, но не точное совпадение.

Лера перечитала запись и нашла утреннюю заметку: «Уверенность до встречи: 2 из 5». Под ней стояло короткое пояснение, написанное торопливым почерком: «Фраза обычная для рабочих обсуждений. Точное время странное».

Она не помнила, почему выбрала именно два. Может быть, потому что не хотела признаться, что верит. Может быть, потому что действительно считала прогноз маловероятным. Но цифра стояла до события, и от этого она казалась важнее сегодняшнего ощущения.

В графе «Исход» Лера написала: «Точное совпадение: да». Остановилась, прислушалась к тишине переговорной и добавила: «Макс произнес фразу в 09:17. Причина — письмо юристов, полученное во время встречи».

Она перечитала всё с самого начала. Рука потянулась дописать: «Значит, отправитель знает, что будет». Лера остановилась на середине слова.

Знает ли? Это было не наблюдение. Это был вывод. Даже не вывод — прыжок через несколько пустых ступеней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.